

ВЛ. БОНЧ-БРУЕВИЧ

# НЕДАВНЕЕ

*Смотримое в револю-  
ции.*

ДБ  
450  
581

*Смотримое в  
революции.*



■ ■ ■

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 149

ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“  
МОСКВА 1926

44325

С. ФЕДОРЧУК  
НАРОД НА ВОЙНЕ



ЭРИХ МЮЗЛМ  
ИЗВРАЖАЮЩИЕ СТОИ  
И  
ИССКАЗЫ



В. САДОВИЧ  
В ТЮРЬМЕ  
ПЕЧАТНЫЙ РАБОТНИК  
И В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ



С. РЕШЕТОВ  
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ



Б

В

М

РА

121

ДБ  
450  
581

ВЛ. БОНЧ-БРУЕВИЧ

323.2/473.1972

# СТРАШНОЕ В РЕВОЛЮЦИИ

ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ



Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

Москва — 1926

16

Отпечатано  
В Типо-лит. Акц. Изд. О-ва  
„ОГОНЕК“, Москва  
Средняя, Последний пер., д. 26  
Тираж 12.000  
Главлит 65325



Когда прошли первые дни Октябрьской революции, принесшие с собой удивительный революционный порядок и бодрое спокойствие во взволнованную красную столицу новой России, наступили дни понижения настроения и прямого упадка революционного творчества в некоторых наших рядах. Стала выявляться прослойка такой нации в рядах восставшего пролетариата, солдат и матросов, которая по своим стремлениям объективно была антиреволюционна. Деятельность этих элементов была антиобщественна, опасна сама по себе и могла повлечь дурные последствия и осложнения в напряженном строительстве нового государства. Одним из ярких проявлений этой стороны жизни того времени были так называемые „пыльные погромы“, с которыми так ревностно боролся Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и о которых надо будет писать особое исследование. В этой полосе петроградских событий того времени ярко выделяется один эпизод, где проявилась стальная воля Владимира Ильича.

К дням печальной годовщины я постараюсь вспомнить об этой красочной, трагической картине того времени, тем

более, что полем действия было адмиралство знаменитого тогда гвардейского флотского экипажа, а среда, в которой пришлось действовать, — были матросы.

## II

В 75-ю комнату Смольного, в эту штаб-квартиру и главный центр деятельности рабочих комиссаров, боровшихся с пьяными погромами в Петрограде и имевших главные нити охраны и порядка красной столицы, поздно вечером вошел взволнованный белокурый матрос гвардейского экипажа. Он направился прямо ко мне.

Я сидел за большим столом и вел вместе с четырьмя рабочими комиссарами тщательное дознание по делу только что обнаруженной огромной организации, занимавшейся подделкой всевозможных печатей советских учреждений и подписей самых ответственных работников, включая подписи всех народных комиссаров и подписи председателя Совнаркома „Владимира Ульянова (Ленина)“, как подписывался тогда Владимир Ильич.

Матрос подошел к столу, сел на стул, оглянулся туда-сюда, немного смутился и взволнованно сказал, тихо обращаясь ко мне:

— Мне необходимо сейчас же переговорить с вами по крайне важному делу... — и он напряженно смотрел мне в глаза.

— В чем дело, товарищ?

— Нет, так не могу, одному вам скажу.

Я тотчас же прервал допрос и посмотрел на моих товарищей-комиссаров. К нам часто приходили со всевозмож-

ными историями, и мы привыкли к различным неожиданностям, разоблачениям, заявлениям, истерикам, нервности, и ничто это нас не смущало. Мы твердо усвоили правило спокойно относиться ко всему, все принимать к сведению, выслушивать. Мы знали наперед, что сообщают много нелепостей, но именно таким методом действия мы получали огромнейший материал, и это являлось одной из причин успешной следовательской деятельности 75-й компаты Смольного, где было открыто множество политических и уголовных преступлений, среди которых были очень крупные и важные дела.

Товарищи-комиссары мигом поднялись, отвели допрашиваемого к другому столу, а один из товарищей стал в стороне и по заведенному порядку зорко наблюдал за прибывшим матросом.

Матрос приподнялся и, перетягиваясь ко мне через стол, шепнул:

— У нас бунт! Власть решили взять в свои руки, аресты производят...

— Что же делают ваши ребята?

— Пьют... Оружие, бомбы с корабля навезли, арестовали трех офицеров на улице, хотят расстрелять их...

— Кто у вас там стоит?

— В наш гвардейский экипаж, кроме нас, поместили с „Республики“ очень шумный народ...

Мне сразу все стало ясно. Эти матросы были анархистами, все более и более общественно разлагавшимися. С ними уже были истории крайне неприятного свойства и от них надо было ожидать и в будущем много всевозможных осложнений.

Понемногу выяснилось, что матросы-анархисты решили, никого не спрашивая, арестовывать на улицах не поправившихся им граждан, производить обыски и брать выкуны, что сейчас они арестовали трех офицеров, держат их в „курятнике“, где они почти окоченели, и что ночью, без всякого суда и следствия, они хотят этих офицеров расстрелять лишь потому, что они офицеры.

— Если хотите, чтобы этого не случилось, надо сейчас же туда ехать,—добавил матрос.

— Значит,—подумал я,—что мы ожидали, то и случилось. Анархисты желают анархии, полной безалаберщины и самоуправства, а мы желаем установить революционный порядок и строгую революционную законность. Рабочие силовы на нашей стороне, огромное число войск тоже, но отдельные части разложились, и ими надо пожертвовать во имя блага революции, и чем скорей, тем лучше. Надо ликвидировать их центры и немедленно разделить массу.

С таким настроением я пошел к Владимиру Ильичу, чтобы передать обо всем случившемся, посоветоваться с ним и получить от него директивы.

Владимир Ильич отнесся к этому делу крайне серьезно. Его до крайности возмутили самовольные аресты матросами на улицах.

— Как! Там, где находится центральное правительство, совершаются подобные дела! Это недопустимо! Мы должны тотчас же из-за престижа власти, все это ликвидировать... — сказал он мне.

Я предупредил его, что на фоне всеобщего эпидемического пьянства в солдатских частях это не так уж легко будет сделать, но согласился, что сделать это необходимо во что

бы то ни стало и прежде всего проверить все на месте, для чего, сказал я ему, я поеду сейчас же туда, в помещение гвардейского флотского экипажа, и произведу тщательное следствие.

— Но не опасно ли это будет для вас? — неожиданно задал мне вопрос Владимир Ильич.

Я сказал ему, что там, где опасно, тут-то мы, деятели 75-й комнаты Смольного, и должны быть, да, кроме того, никакой опасности я по существу не вижу, что многих матросов с корабля „Республики“ я знаю лично, и что думаю, что все обойдется благополучно, а действовать надо немедленно.

— Я напишу вам предписание о следствии от Совнаркома, а вы прочтите матросам, я думаю, это вам поможет...

— Очень даже...— ответил я ему.

И он быстро написал предписание на мое имя, требуя произвести самое тщательное расследование всего дела и обязательно сейчас же по телефону сообщить ему о результатах.

Я понял, что о телефоне он, заботясь обо мне, написал нарочно, чтобы дать мне возможность в критическую минуту иметь с ним связь.

— Я обо всем доложу вам завтра, — сказал я ему, — теперь поздно, двенадцатый час ночи, и нас беспокоить я не стану.

— Нет, нет, вы обязательно должны это сделать, во исполнение моего предписания.

— Слушаю-с, — ответил я ему по-военному.

Он засмеялся, и мы расстались.

Я отлично понимал, что дело серьезное, и, идя по длинным пустым коридорам Смольного, обдумывал план действия.

Войдя в наше помещение, я тотчас же сказал рабочим комиссарам ехать со мной.

Отдав все распоряжения на ночь, мы живехонько собрались, и все четверо двинулись из Смольного, где у парадного уже стоял дежурный автомобиль.

### III

Матрос, приехавший в Смольный, очень нервничал.

— Вы только не говорите, что я к вам приезжал, — шепнул он мне, — я как есть партийный, потому и приехал, потому что беспорядок! Нешто так можно, — к примеру, я начну арестовывать, вот он или, к примеру, вот ты, — указывал он на всех нас, — что из этого получится? Одно плутовство, безобразие, для этого есть наша власть, вот это се дело... А они, — ух, народ, — убьют, нином чем убьют...

Не доезжая до здания 2-го гвардейского флотского экипажа, которое расположено неподалеку от Дворцового моста, матрос запросился слезть.

— Я обегу с того края и вас встречу у крыльца, вот там, проезжая главный под'езд...

И он быстро выскользнул из автомобиля.

Ясно, что настроение матросов было прескверное, раз их же товарищ так боялся своей собственной среды.

Мы тихо под'ехали ко второму крыльцу, у которого стоял часовой матрос.

Я пред'явил ему свой мандат, и сказал, что приехал по делу. Он и не посмотрел на мандат, не спросил его и у других моих спутников и равнодушно впустил нас в дверь.

Тут откуда-то вынырнул наш таинственный, уже знакомый нам незнакомец и тихонько сказал:

— Пойдемте вот сюда...

Мы вошли в довольно просторную комнату, всю сплошь беспорядочно заваленную ящиками с ручными гранатами, бомбами, бикфордовым шнуром, ружьями, лентами от пулеметов, ящиками с ружейными патронами. Тут же вперемежку стояло более десятка пулеметов, валялись беспорядочно сложенные ружья, у стены — куча револьверов, и около них громада револьверных патронов. В углу стояли знамена и длинное черное полотно, укрепленное на двух шестах, на котором белыми буквами тянулася бледная надпись: „Да здравствует анархия!“ И, действительно, анархия здесь здравствовала. Она была в полной красоте своей.

— Мда-а-а! — протянул кто-то, перелезая через ящики с ручными гранатами и понадея ногами в рассыпанные на полу патроны.

— Ведь достаточно двух десятков смелых людей, чтобы захватить все это, — сказал я моим комиссарам. — Ведь это ужасно. Присмотритесь-ка вы здесь ко всему хорошенько...

Рабочие комиссары были в полном негодовании.

— Мы собираем каждый патрон, бережем каждый револьвер, а это что такое? Действительно, анархисты! Вот куда нужно бы сунуть защитников их! — возмущался другой.

И мы пошли к свободной комнате, где ходило несколько матросов. К нам подошли. Я сказал, что приехал по делу из Смольного, и что мне прежде всего необходимо переговорить с кем-либо из комитета.

— Позовем сейчас... — откликнулся кто-то.

— А по какому делу? — настаивал один из присутствовавших, вдруг беспричинно и неожиданно раздражаясь.

— Так, есть дельце к комитету.

— А вы кто будете? — обратились матросы к рабочим.

— Мы—рабочие комиссары.

В это время легкой походкой, высокий и стройный, подходил ко мне хорошо мне известный матрос Железняков, который оказался здесь председателем комитета части. Я знал его раньше по многим делам и всегда питал к нему большое доверие.

Мы дружески поздоровались. Я отвел его в сторону и показал ему предписание Владимира Ильича.

Он смутился.

— Вам это известно?

— Да.

— Но откуда вы могли это узнать? Это наша братва бабует, говорил им, до добра не доведет....

— Как будете действовать? — задал я ему испытующий вопрос.

— Ну, что ж, раз надо, так надо....

— Я предлагаю вызвать представителей судебно-следственной части флота, — вероятно, и у вас здесь есть представитель?

— Да, есть,—сказал он, ухмыльнувшись.

— А потом я прошу присутствовать вас, как председателя комитета, и еще двух товарищей из комитета, и давайте скорей начинать, — перешел я от взаимных советов в атаку.

Железняков тотчас же послал матросов найти комитетчиков и представителя судебно-следственной части, и мы все вошли в большую залу, где почти посредине танулись в один ряд длинные столы.



Весть о нашем прибытии разнеслась по экипажу, и со всех сторон стали по одиночке и группами выкатываться матросы, вооруженные револьверами. Громко разговаривая, выкрикивая и насвистывая, двигались они группами по залу. Многие из них были, очевидно, сильно под хмельком. И не прошло и пяти минут, как вся зала была полна народа.

Мы уселись у стола. Прибежал, запыхавшись, представитель судебно-следственной части, несчастный, задержанный человек, и когда я спросил у него, в чем дело, он шопотом сказал:

— Мы все это и многое другое отлично знаем, но что же мы можем сделать?—И робость, и усталость прозвучали в его голосе.

Подшли комитетчики, бравые, трезвые ребята. Тут же в толпе маячил наш проводник, очевидно, сам удивляясь, какую затеял он кашу.

Я сказал, что надо начинать.

Железняков ударил в ладоши и звонко, отчетливо и повелительно—он был прирожденным вождем—сказал:

— Товарищи, займите места. Разговоры прекратить! Начинается заседание. К нам приехали товарищи из Смольного по делу, а по какому—они все скажут.

Я отнюдь не хотел митинговать и ни в коем случае не мог позволить низвести правительственное следствие на какое-то всеобщее словопрение, а потому сразу объявил:

— По предписанию председателя Совета Народных Комиссаров, Владимира Ильича Ленина, объявляю начатым следствие по делу самовольного задержания на улицах группой матросов трех офицеров, при чем к следствию,

согласно выработанных форм, привлекая представителя судбно-следственной части флота и трех представителей комитета вахей флотской части и двух рабочих комиссаров. Все перечисленные лица образуют из себя местную следственную комиссию под моим председательством по назначению правительства.

Матросы, очевидно, ничего этого не ожидали. Сразу умолкли, еще не зная, как на это реагировать.

— Оглашаю предписание революционного правительства, — и я прочел предписание Владимира Ильича. Все сразу и окончательно успокоились.

Я обратился к председателю комитета флотской части с вопросом:

— Правда ли, что некоторой частью матросов самовольно арестованы три офицера и что они содержатся здесь же у вас в крайне скверных условиях?

Железняков блеснул глазами.

— Правда! — ответил он.

— Как их фамилия?

— Волк, Масленников, — и Железняков назвал еще третью фамилию, которую я сейчас забыл.

— Прошу сделать распоряжение доставить Масленникова. В зале прошел ропот.

Я в упор смотрел на Железнякова.

Он вскинулся и произнес:

— Доставить Масленникова.

— Ну, дело пошло, — подумал я, надо всех держать в крайнем напряжении.

Один из матросов, низкого роста, круглый, приземистый, отделился от комитетчиков и полубегом вышел из зала.

Нам подали чай, черный хлеб, масло и соль. Никто не дотронулся. Всем было не до того.

Не прошло и несколько минут, как к столу подошел, запыхавшись, еле дыша, молодой офицер, поручик, растерянно смотревший кругом. Я предложил ему сесть.

— Как ваша фамилия?

Он молчал и, словно извиняясь, глядел на нас, прикладывая руку к сердцу.

— В чем тут дело? — подумал я.

Я опять переспросил его:

— Прошу, назовите вашу фамилию и расскажите, кто вы, откуда вы?

Он страдальчески улыбнулся и с особенным напряжением, заикаясь, промолвил:

— М-м-масленников... — и опять умолк. Потом точно собравшись с силами, сказал:

— Я-я оч-ч-ень запыхался... Трудно говорить... Бежал...

— Откуда бежали? Почему запыхались? — невольно спросил я его.

— Весь день сидел в холоде, не ел ничего... а потом сразу бегом... Не могу бежать... А он сзади с револьвером...

В зале наступила тишина.

Я вопросительно посмотрел на Железняка.

— Спешил исполнить приказание! — особо деланно вдруг громко произнес тот приземистый круглый матрос, который ходил за арестованным.

В зале раздался смехок. Мне это не понравилось. Железняков только поглядывал на меня.

Масленников собрался с силами и стал рассказывать о себе, говоря, что он приехал в отпуск к отцу, что он

никого здесь не знает, шел по улице, и его неожиданно арестовали матросы, привели сюда и сунули в подвал, в каморку, где очень холодно.

Я все тщательно записывал, задал ему целый ряд вопросов и предложил как представителю судебного-следственной части флота, так и комитетчикам задавать ему вопросы.

Ответы были самые обыкновенные.

Один из комитетчиков передал мне бумаги, отобранные у Масленникова. Это были черновые письма его к различным лицам, тщательно переписанные в тетрадке. Я быстро просмотрел их. В письмах рассказывалось о разложении армии, о бегстве солдат из окопов и высказывались предположения, что все это дело рук немецких шпионов и Вильгельма, которым продались русские люди, называемые большевиками, среди которых много евреев. Одним словом, в этих письмах высказывались те в то время крайне распространенные обвинения большевиков, которыми полны были много месяцев буржуазные газеты, в миллионах экземпляров расходившиеся повсюду. Даты на письмах были еще дооктябрьские, начиная с июня.

— Доставьте Волка, только прошу не повторять того, что было с Масленниковым, — сказал я, обращаясь к приземистому матросу.

— Есть, капитан! — задорно, особо громко произнес все тот же приземистый матрос.

В зале прокатился более громкий смехок, и мне это не понравилось еще более.

Первый случай я готов был объяснить привычкой матросов всю команду выполнять бегом, особенно, когда им приходится подниматься из трюма на палубу. Я думал, что условия

быта и здесь отозвались, но чувствовал, что здесь что-то не то.

Через несколько минут появился буквально дрожащий офицер Волк, грудь которого ходила ходуном, и он, не дожидаясь никакого приглашения не сел, а как-то рухнул на стул, схватился за грудь и стал мучительно кашлять. И серое с коричневым оттенком лицо его исказилось болью.

— Ваша фамилия? — спросил я у него.

— Волк, — еле слышно произнес он. — Не могу, холодно... больно... — Кто-то хихикнул.

— Допрос прерываю... Прошу арестованному дать чаю... — сказал я отрывисто, громко и положил ручку на стол.

— Ваше поведение, — обратился я к белесоватому, приземистому матросу, — совершенно недопустимо и явно противозаконно. Вы компрометируете революционную власть, не нуждающуюся в жестокостях.

В зале воцарилась мертвая, жуткая тишина.

Железников посмотрел на меня, я ответил ему упорным взглядом.

— Ну, что же чаю? Давайте чаю! Ведь сказано! — громко и взволнованно произнес он, вставая. — Эх, ты, братва! Зачем это? Глупо, брат! Не в этом дело!..

Два стакана чаю были быстро принесены. Я предложил его Масленникову и Волку и подвинул к ним хлеб с маслом. Они жадно схватились за еду, а чай выпили залпом.

В зале было тихо, и больше никто не смелся.

— Допрос продолжается, — сказал я и задал Волку обычные вопросы.

По осторожным, раздумчивым ответам мне сразу стало ясно, что Волк — настоящий волк контрреволюции, что он

находится в Петрограде неспроста, и что за ним кроется организация.

На столе появилась толстая тетрадь, отобранная на квартире, где жил Волк, и найденная в его чемодане. Оказывается, там матросы самовольно произвели обыск. В тетради велся дневник, в некоторых местах зашифрованный, фамилии и города обозначались везде условно. Записанные отдельными строчками отрывки стихотворений, отдельные выражения несомненно служили паролями и отзывами или ключом к шифру. Перелистывая далее, я наткнулся на копии прокламаций к войскам, резко контрреволюционного содержания, направленные не только против рабоче-крестьянской власти, но и против достижений февральской революции. Явно, что этот офицер был монархистом и принадлежал к их организации. Я немедленно огласил наиболее типичные места из всех этих записей.

Глаза Волка засветились злым огнем, почти ненавистью, черные зрачки тяжело смотрели в одну точку, и он, почувствовав себя в западне, даже не стал особенно изворачиваться и объясняться, а лишь заявил, что офицеры так думают все...

— Это неверно! — возопил Масленников. — Мы против старого режима!

Волк недоуменно посмотрел на Масленникова и отрывисто прибавил:

— Ну, если не все, так многие...

Смолк и замкнулся.

Я предложил ему объяснить другие места его записей и прочел шифрованные места, пароли, отзывы.

Чувствуя, что он попадает, и не умея ничего объяснить, и не имея мужества признать себя тем, чем он был на са-

мом деле, он стал зло огрызаться, стараясь посмеяться над тем, что революционеры могут интересоваться стишками, и видя, что он решительно и окончательно запутывается, вдруг отрывисто сказал:

— Я больше ничего говорить не могу... Я все сказал, что мог... что знал...—и он зло, исподлобья посмотрел на меня, и мы встретились с ним глазами.

— Вот это враг настоящий, заматерелый, классовый враг,—подумал я,—и с ним нам еще долго придется бороться.

— Приведите третьего!

Белесоватый приземистый матрос исчез.

Посланный долго не появлялся.

Нам еще принесли чаю.

— Идет теперь в развалку,—кто-то пошутил из присутствующих, и кругом добродушно засмеались.

— Долго будет помнить проборку...

И я сразу почувствовал, что лед подтаял, что все поняли, что так делать, как делали,—ненужно.

Отворилась дверь, и вошел тихим шагом третий офицер, а за ним плелся, семеня и немного ломаясь, тот же приземистый матрос, виновато, как провинившийся школьник, поглядывая кругом. В зале добродушно зарокотало и смолкло.

Этому третьему, фамилию которого я сейчас забыл, я также предложил чай, чему он очень удивился и, сказав „благодарствуйте“, с удовольствием, не спеша, грея руки о стакан, выпил и также не спеша съел предложенный ему Железниковым бутерброд. Держал он себя просто, спокойней и уверенней всех, и только неожиданно выступавшие, большие красные пятна на его лице говорили о его душевном волнении.

Я предложил ему назвать свою фамилию и рассказать о себе. По военной привычке он пытался встать, но видя, что никто этого от него не ждет, он стал свободно и несколько протокольно рассказывать, где он служил, приехал в Петроград на побывку к своей матери, и так как ее не застал,—она уехала к дочери в Тверь,—то и остановился у знакомых, где поздно вечером встретился с Масленниковым, которого никогда ранее не знал, и что его арестовали матросы, когда привели Масленникова, чтобы сделать обыск, а он тут оказался.

— Я сначала подумал, что это не настоящие матросы, потому что у них не было ордера на обыск от властей, а стало быть, они действовали не от правительства, а потом по разговорам, шуткам, и как ходят,—вижу, настоящие матросы,—но как же, но почему же без ордера? — недоумевал допрашиваемый. — Вот это меня заинтересовало, и даже хотя бы предписание или свидетельство от комитета было бы,—и этого нет. Я попросил составить протокол и все это записать, а они отвечают: „На кой нам чорт протокол твой? И так сдохнешь, и без протокола!“ — Бандиты,—думаю я,—бандиты! Разве настоящий матрос так позволит себе? Никогда! Матросы—народ развитой и службу знают. Я с матросами в окопах сидел на северном фронте... Прекрасные ребята, порядок любят... А это что же? Так нельзя! Совсем не по уставу... — и он беспомощно развел руками. В зале задвигались и сочувственно смотрели на него.

Никаких вещественных доказательств за ним не оказалось. В чемоданчике нашли белье и коробку конфет.

— Это я матушке привез,—пояснил он на слова одного из комитетчиков, конфузливо улыбаясь.



— А к какой вы политической партии принадлежите?— вдруг в упор спросил Железняков.

— Я — трудовик, — спокойно и естественно ответил он, — потому что, — пояснил он, — раньше я все среди крестьян жил, учительствовал, и думаю, это им самое подходящее, ну я с ними заодно...

— Это ничего, это хорошо, — ласково произнес Железняков и посмотрел на меня. Допрос закончился.

Я переговорил с комитетом.

— Знакомая одного из матросов горничная сообщила, — рассказывали мне, — что у них на квартире бывают офицеры, собираются, а ребята никому не сказали, пошли, да и ахнули, а этот зря попал... Мы его отделим в хорошее помещение, дадим койку, а этих переведем, — там холодно, — — но под караул.

Разделение было правильно, и мне ясно было, что тех двух, особенно Волка, надо держать крепко, и что здесь несомненно случайно попали на след организации.

Я условился с комитетом, что на другой день под караулом этих двух арестованных доставят в Смольный, в 75-ю комнату, а третьего выпустят на свободу.

В таком духе мы составили протокол, и все подписали его. Мы вышли из залы и, окруженные матросами, пошли в соседние комнаты.

#### IV

В одной из комитетских комнат, на диване, стульях, креслах сидело несколько человек матросов. Мы вошли сюда с Железняковым. Наш разговор быстро перешел на теоретическую тему об анархизме и социализме, а когда он и некоторые его товарищи узнали, что я лично знаю

П. А. Краюткина, они с живым интересом просили рассказать им о нем, и мой рассказ они слушали с жадностью.

В теориях матросы были некрепки, и чувствуя, что они не могут мне возразить, я постарался этот разговор прикончить, дабы им не было бы обидно. В сущности анархизма у них никакого и не было, а было стихийное бунтарство, ухарство, озорство и, как реакция военно-морской муштры, неумное отрицание всякого порядка, всякой дисциплины. И когда мы, несколько человек, вокруг молодого Железнякова пытались теоретизировать, тут же сидел полупьяный старший брат Железнякова, гражданский матрос Волжского пароходства, самовольно заделавшийся в матросы корабля „Республика“, носивший какой-то фантастический, полу-матросский, полу-штатский костюм с брюками в высокие сапоги бутылками,—сидел здесь и чертил в воздухе пальцем большие кресты, повторяя одно слово: „См-е-е-рты!“ и опять крест в воздухе: „См-е-е-рты!“, и опять крест в воздухе „См-е-е-рты!“—и так без конца.

— См-е-е-рты!—вопил этот человек с иконописным, худым, тусклым, изможденным лицом.

— См-е-е-рты! — говорил он, чертя кресты, устремляя в точку свои стеклянные, помутнелые глаза, вынимая время от времени из стакана крупными глотками чистый спирт, болезненно каждый раз искажавший его лицо, сжимавшееся судорогой. И он в это время делался ужасен и противен, столь отвратительна была его больная, полусумасшедшая улыбка искривленного рта. Он хватался за грудь, как будто бы там что-то жгло, что-то дунуло его... Глаза его вдруг вспыхивали фосфорическим цветом гнилушки в тем-

ную ночь в лесу, и он опять чертил кресты в воздухе и и повторял заунывным, глухим голосом все то же одно излюбленное им слово:

— См-е-е-рты! См-е-е-рты! См-е-е-рты!

— Да будет тебе!—зло окликнул его Железняков.

Он хихикнул, и я узнал этот смех, хихикнул еще раз, как-то сжался в кресле, точно вдавился в него, захлебнулся, закашлялся, и прохрипел:

— См-е-е-рты! См-е-е-рты! См-е-е-рты!

Был четвертый час ночи.

Вдруг в комнату полувбежал коренастый, приземистый матрос в круглой матросской шапке с лентами, с широко открытой грудью. Его короткая шея почти сливала кудлатую голову с широкой спиной.

Он вдруг остановился посреди комнаты, изогнулся, сразу выпрямился и заплясал матросский танец, широко размахивая ногами, отчего его широкие матросские штаны колебались в такт, как занавески. Другие матросы повскакали с мест и присоединились к нему, выделявая этот вольный танец, сатанинский танец смерти, и когда они, распаленные, вертелись в вихре забвения и вдруг остановились, он, этот коренастый, а за ним и все другие, запели песню смерти—смерти Равашеля:

—Задуми своего хозяина,  
А потом иди на виселицу,—  
Так сказал Равашель.

И каждый из них, а коренастый больше всех и лучше всех, в такт илясу, с чувством злобы и свирепой отчаянности при слове „Равашель“ делали быстрое движение правой рукой, как будто бы кого-то хватая за глотку, и

душа, и давя, шевелили огромными пальцами сильных рук, душа из всех сил, с наслаждением, садизмом и издевательством... И когда невидимые жертвы все падали задушенными,—так был типичен и выразителен танец,—они опять неслись в вихре танца, танца смерти, размашисто и вольно выделявая разнообразные коленца там, вокруг тех, кто должен был валяться задушенными около их ног. И опять песни смерти, и опять скользящие, за горло хватающие, извивающиеся пальцы, пальцы, душащие живых людей.

— См-е-е-рты! См-е-е-рты! См-е-е-рты!—громко и заунывно, чертя кресты в воздухе, вопил тот иконописный, с ликом святого с православной иконы... И он поднялся и, шатаясь, подошел к этим беснующимся и млеющим в танце смерти, и судорожно брался он за свой нагай, то оружие, чем приводил он в исполнение свою заветную мечту.

— См-е-е-рты! См-е-е-рты! См-е-е-рты!—и он троекратно осенял большим крестом тех, кто замирал в иступлении кружения.

— Не могу! Не могу! Не могу! Тяжко мне!—кричал тот приземистый и хватался за грудь, точно стремясь ее разодрать, и извивался, и изгибался весь, откидывая назад голову. Короткая шея его и обнаженная волосатая грудь то смертельно бледнели, то вдруг вспыхивали ярко-красным огнем, заливаемые кровью, и кожа его пупырилась и делалась той, что называют „гусиной кожей“.

— Убить! Надо убить! Кого-нибудь убить!..—и он искал револьвер, судорожно неверной рукой шаря вокруг пояса.

— Жорж, что ты, с ума сошел?—крикнул на него Железников.

— Накачайте его!..

И ему дали большой стакан чистого спирта. Он выпил его одним духом, бросил стакан. Разбилось и зазвенело... Схватился за голову, выпрямился, замолк с открытым ртом и остановившимися глазами, шатнулся, шарахнулся и рухнул на диван, неподвижный, мертвецки пьяный.

— О-о-о-х-х-х,—пронесся стон, и все стихло.

— И вот так каждый день, не может! Как наступает рассвет, томится, ищет, душит руками, плачет и хочет убить. На фронте в окнах выползал в эти часы на разведку и переколошматил многих немцев и здесь ищет, кого убить, и, бывает, убивает, да мы за ним следим, вот только спиртом и глумим,—спокойно рассказывал кто-то из матросов.

Иконописный все чертил кресты, протрезвился и вдруг, извиняясь, заговорил скороговоркой:

— Вот чудак! Я прощю! Все прошусь в командировку. Приедем с отрядом на станцию, идем тихонько. Где дежурный? Идет офицерик. Я подхожу, улыбаюсь, он идет, сердечный, и не думает, а я раз,—суну вот моего миленька,—и он показал на наган,—и всегда прямо в печенку снизу—трах! —и готово! Кувырк! Глазами хлоп! А я его в лоб, если еще жив. И ничего-с! Готов, и все тут. Очень я этих офицериков люблю угощать. И самому, знаете, приятно, тепло делается, и на душе спокойно, радостно, тихо, словно, ангелы поют...—и он закрестил крестами.

— И что же вы много их так?

— А как же? Счет веду, не ошибусь. Сорока трех уже имею. У-п-о-к-о-й, г-о-с-п-о-д-и д-у-ш-и р-а-б-о-в т-в-о-и-х!—затянул он гнусаво и глухо по-дьячковски.—А вот ноне сорок шесть

будет!—и он трижды закрестил крестами, радостно улыбаясь.

— Я тебе! Будет! Иди спать. Нажрался...—сердито заговорил Железняков, чувствуя неловкость своего положения сознательного анархиста.—Ишел!

И брат его пошел и закрестил крестами, и возопил гнусаво и глухо: —См-е-е-рты! См-е-е-рты! См-е-е-рты!...

На стульях, на диванах, на столах, в углах свалились в пьяном сне матросы-анархисты, пившие спирт. Кое-кто бродил по комнатам. В окнах чуть-чуть блекло. Мы переглянулись и двинулись.

Комнаты с оружием стояли без охраны, двери растворены, и здесь валялись спящие люди. У крыльца караула не было. Было мертво, запустело, жутко и грустно.

Железняков проводил нас до автомобиля, и мы уехали, подавленные всем виденным.

Рабочие комиссары негодовали и говорили, что это одно из самых опасных гнезд. Они все это время были в массе и слышали, как там затевались грабежи, открыто говорилось о насилиях над женщинами, о желании обысков, расправах самочинных. Новое правительство они отрицали, как всякое-другое правительство.

— Мы анархисты,—говорили они.

— Ну и анархисты!—восклицали рабочие комиссары.—Теперь мы видим, что такое анархисты... Это почище наших бандитов, которых мы арестовываем каждый день.

Я решил ранним-ранним утром сейчас же о всем виденном рассказать Владимиру Ильичу, так как ясно сознавал всю ту опасность, которая таилась здесь же, возле нас, под прикрытием наших же рядов.

Владимир Ильич придал всему этому случаю очень серьезное значение. Обратил особое внимание на элементы разложения матросской массы и, когда я напомнил ему, что нам уже пришлось возиться с этими же матросами по делу убийства Шингарева и Кокошкина, он в разговоре бросил свою удивительно четкую формулировку:

— От анархизма до контрреволюции—один шаг,—сказал он, когда убедился, что эти матросы принадлежат к анархической организации и находились в непосредственной связи с видными русскими анархистами, в то время проживавшими в Петрограде.

Вскоре мы убедились в этом еще более.

Для того, чтобы быть в курсе дела, с утра я направил несколько комиссаров-рабочих 75-й комнаты Смольного во 2-й гвардейский экипаж к матросам и просил их ориентироваться в массе, сообщая мне и по телефону, и лично, по очереди приезжая в Смольный, о всем том, что там творится.

Очень вскоре выяснилось, что большая группа матросов, организационно связанная между собой, неистовствовавшая вчера вечером, держит в полном терроре других, по преимуществу беспартийных, с особенным недоброжелательством относясь к партийным—большевикам, находя их законщиками и умеренными. Себя же эта группа считала очень крайней, отрицающей всякую законность, как буржуазный предрасудок, и не желавшей вообще никому подчиняться. Наибольшим авторитетом среди них пользовался Железняков-младший, но и то уже за последнее время много потерявший

в их глазах, так как он имел постоянное сношение с властью и подчинялся ее распоряжениям.

Данное им и комитетчиками обещание доставить офицеров в Смольный крайне возмутило наиболее буйную часть матросов, и на этой почве там произошли горячие споры, чуть было не дошедшие до поножовщины. Группа явно раскалывалась. Железняков терял авторитет, многие его не слушались, часть же крепко стояла за него.

Железняков-старший, тот который всех благословлял смертью, возмущен был более всех и неожиданно куда-то исчез с несколькими матросами. Оказалось после, что они забрали в плен с собой трех офицеров, усадили их в два автомобиля и исчезли. В сутолке для никто этого не заметил. Когда я, устав ждать, потребовал немедленной присылки офицеров, то мои комиссары получили ответ, что большинство матросов с этим не согласны, что комитет пока ничего не может поделать, что надо подождать.

Я настаивал на категорическом ответе.

Двое уполномоченных матросов вызвались ехать в Смольный для объяснения. Среди них был неожиданно тот, который первый принес нам весть об аресте офицеров.

Я вместе с рабочими комиссарами принял их очень сурово. Тот, первый, виновато смотрел на нас. Второй держал себя развязно, и когда он что-то лишнее позволил себе в разговоре по поводу нашего комитета, то очень сознательный и молчаливый матрос, командированный к нам для связи с корабля „Аврора“—партиец-большевик, вдруг поднялся, выпрямился во весь свой огромный рост и рявкнул:

— Матрос с корабля „Республика“, предлагаю тебе держать себя здесь, как на корабле, иначе с тобой будет по-



ступлено по законам военного времени... Не забывай, ты — перед лицом революционного правительства...

Тот, развязный, отвалился на спинку стула и, как ошеломленный, с полуоткрытым ртом, в испуге остановившимся взором смотрел на этого сумрачного великана, потом вдруг вскочил, вытянулся в струнку, залихватски отдал честь и и не то в насмешку, не то в серьез крикнул:

— Есть, капитан!...

И оба сели.

Все это произошло так неожиданно, так внезапно и так внушительно, что на некоторое время прекратились все разговоры, и наступила гробовая тишина.

Когда неловкое молчание прошло, этот развязный, сделавшийся вполне серьезным, вынул из широкой пазухи своего бушлата тетрадь, уже фигурировавшую вчера на допросе, в которую были вложены все документы и переписка, отобранные при обыске у арестованных офицеров.

— Вот это вам прислали... А их нет... Они у нас сидят... Можно мне ехать?

-- Можно.

И он, откозыряв, пошел. За ним последовал и другой.

Мои комиссары, приехавшие от матросов, сказали мне, что матросы все время пьют, что среди них появились женщины, что настроение их самое откровеннейшее и что офицеров в эту ночь они, наверно, расстреляют...

Что тут было делать? Конфликт явно назревал, а неподчинение распоряжению правительственной власти, облеченной особыми полномочиями и Советом Рабочих Депутатов, и Революционным Комитетом,—было налицо.

Я чувствовал, что нарыв зреет и что надо действовать. Со всех сторон валило дело, уйти было нельзя, и я, по своему обыкновению, написал Владимиру Ильичу до сего времени сохранившуюся у меня записочку. Я писал ему:

„В последнюю минуту у матросов гвардейского акинажа настроение изменилось, и они не прислали арестованных офицеров, а прислали их бумаги, и приехали два представителя. Мои комиссары, ездившие к матросам, с точностью удостоверяют, что офицеров расстреляют в эту ночь. Отец одного офицера пришел и удостоверяет, что офицер Масленников приехал в отпуск, и что он знает, что он не повинен ни в какой контрреволюции.“

Письмо я отослал с дежурным рабочим комиссаром, сказав ему, чтобы он дождался ответа.

В это время, запыхавшись, вбегает тот матрос, который первый привез нам весть об аресте офицеров, взволнованный, подбегает ко мне и в упор говорит:

— Я должен сообщить... Их нет... Их увезли, давно увезли, неизвестно куда...

— Кто?

— Несколько матросов, еще днем. Их взяли из-под ареста и увезли всех троих...

Рабочие сгрудились к матросу и молча, насупившись, слушали.

Я взялся за телефонную трубку, желая вызвать к телефону Железняка, но в это время вернулся посланный рабочий комиссар от Владимира Ильича. Он подал мне мою записочку. На обороте ее карандашом Владимир Ильич прислал нам следующее предписание:

„Оповестить матросов гвардейского экипажа с взятием от них подписки о том, что это им объявлено, что они отвечают за жизнь арестованных офицеров и что они, матросы, будут лишены продуктов, арестованы и преданы суду. Принять экстренные меры:

- 1) к посылке хорошо вооруженной охраны к зданию.
- 2) к записи возможно большего числа имен матросов экипажа.

Предс. Сов. Нар. Ком. Ленин“.

Я прочел вслух это предписание рабочим.

— Правильно! — раздались возгласы. — Это безобразие! Мы должны это прекратить!...

И тотчас же принялись вырабатывать план.

Несколько наших товарищей ещё были среди матросов. Я вызвал одного из них к телефону и предложил им переписать имена матросов, но мне ответили, что здесь все пыльно, озлобление против них растёт, что они хотели бы, чтобы им выслали автомобиль для того, чтобы поскорей уйти отсюда, на что и просят у комитета разрешения. Ясно было, что им там больше делать нечего. Я предложил им немедленно выйти на улицу и сказал, что тотчас же высылаю автомобиль, а в другом — маленький отряд на всякий случай.

Наши комиссары вскоре вернулись, полные возмущения, так как там была ужасная отвратительная оргия.

В это же время мне удалось вызвать Железнякова-младшего, и, когда я спросил у него: „Где офицеры?“, он глухо ответил мне:

— Они исчезли. Их украли. У нас раскол, прямо беда! — Он обещал тотчас же сообщить мне, если что узнает об офицерах. Я прочел ему по телефону предписание Владимира Ильича.

— Сейчас, кроме некоторых, здесь никто ничего не поймет. Все страшно возбуждены, рвутся на улицы, и еле-еле удастся их сдержать.

Перед нами стал вопрос охранить город от этой пьяной ватаги и отыскать увезенных.

Я вызвал тревогой на линейку сильный дежурный отряд латышей-партийцев, находившихся в Смольном, прибавил к ним десять пулеметов, придал к ним четырех самих стойких комиссаров-рабочих, отправил их для расположения в близлежащих около матросов домах и дал предписание начальнику зорко следить за матросами путем дозорных, сообщая нам в 75-ю комнату о всяком движении их. На всякий случай мы подготовили Волынский и Егерский полки, отличавшиеся в то время трезвостью или, лучше сказать, терпимым пьянством, и среди которых мы имели крепкие организации наших товарищей, предписав им быть в полной боевой готовности. Об этом же сообщили нашему милому другу тов. Благоданову в Петропавловскую крепость, который так же спокойно, как всегда, ответил мне:

— Я всегда готов.

— Я прошу вас лично, никуда сегодня не отлучаться и проверить броневики...

— Что, опять по аэроплану?—так выражался он, когда ему приходилось выезжать на разгон пьяной толпы и он, ревя изо всех сил sireнами, тархтел из пулеметов „по аэроплану,“ т. е. стрелял в небо, а толпа со страхом разбегалась или зарывалась в сугробы снега.

— Нет, — ответил я, — если потребуется, то ниже, почти по земле...

— Ну?...

— Да, будьте готовы...

И я наверно знал, что он будет готов.

Конечно, отнюдь не желая никакого кровопролития, мы тотчас же направили всех наших делегатов-матросов на „Аврору“ и к другим матросам, прося их как можно скорей проникнуть во второй флотский экипаж и принять все меры, дабы сдержать пыл матросов „Республики.“

Наши великан с „Авроры“ и другие с ним сейчас же двинулись по своим частям.

— Это они на суше расходились. Их бы на корабль—сейчас бы очухались... Наша братва к этому привычна...— говорил он, уходя.

Рабочие комиссары обсудили положение и возмущались, что всем нам приходится тратить так много времени на своих же матросов, когда так много дела в борьбе с контр-революцией и белогвардейщиной.

— Как это все на руку буржуазии!—говорили рабочие.

— Как не понимают этого анархисты!

— Необходимо в Совете поднять об этом вопрос и все это прекратить разом!

— А все водка, пьянство, вино...

— Мало мы бьем вина, надо бы все его уничтожить...

После этого мы дали знать во все участки милиции, чтобы смотрели за двумя автомобилями с матросами и офицерами и задерживали бы их. Сообщили в районные комитеты, послали всюду наших комиссаров на поиски, но нигде никаких сведений получить не могли.

Тянулась напряженная, мучительная ночь.

Автомобили, как провалились.

—Наверно, укатили за город...—гадали мы.

— Но куда? Везде глубокий снег... Проехать нельзя... Эта загадка еще более всех волновала.

Под утро, часов в шесть, к нам прискакали наши комиссары, дежурившие возле здания второго флотского экипажа, и сообщили, что только что на всем ходу подошел автомобиль, из которого выпрыгнули четыре матроса и с ними один офицер, и они, неся что-то в узах, почти бегом вошли в под'езд, направляя револьверы в спину офицера и понукая его бежать с ними. По описанию это был тот третий офицер-трудовик, фамилию которого я забыл.

Для меня стало ясным, что двух расстреляли, в узах их одежда, а третьего почему-то сохранили. Я знал, что приехавшие запрут этого офицера, а сами завалятся, конечно, сейчас же спать.

Оставалось немного времени, когда можно было рискнуть вывезти этого третьего. Во втором флотском экипаже у нас было несколько своих матросов-партийцев. Наши комиссары знали расположение комнат. Я направил автомобиль в ближайший переулок. Двое наших комиссаров свободно вошли в здание второго флотского экипажа, по счастью, скоро отыскивали двух наших матросов, в том числе того, который первый принес весть об аресте офицеров, передали им, в чем дело, сообщили предписание Владимира Ильича, и они тотчас же пошли отыскивать привезенного третьего офицера. Очень скоро его нашли лежащим на столе. Когда они вошли к нему, он чуть не провалил все дело, так как с испуга стал кричать:

— Не надо! Оставьте меня! Я достану вам еще денег...

Но видя трезвых, махающих ему руками людей, он умолк, с трудом встал и тихо пошел с матросами. Они все вместе

незаметно вышли из здания, посадили его в автомобиль, и через 20 минут, он, дрожащий, весь бледно-синий, был в 75-й комнате и стоял не шевелясь перед моим столом, полный недоумения и беспредельного отчаяния.

Говорить он не мог, мелкая дрожь била его зубы, лягавшие друг о друга. Я не пробовал даже его допрашивать. Ему дали горячего чая с молоком, хлеба и колбасы. Я сказал ему, что пусть он не беспокоится, что он в полной безопасности, что он в Смольном, что мы поговорим с ним обо всем завтра, а теперь самое лучшее лечь спать.

Он смотрел на всех нас, озираясь по сторонам, видимо, ничего не понимая.

Я вызвал условленным звонком коменданта Смольного. Ко мне быстро, спеша, подошел тов. Мальков, матрос корабля „Аврора“. Я сказал ему, что сдаю под его личную ответственность этого офицера, ничего не совершившего дурного, но что дело его крайне секретное, и что к нему он не должен решительно никого пускать без моего личного на то разрешения, что его надо хорошенько накормить и дать хорошенько выспаться.

— А мы ему сейчас щец дадим! У нас готов ужин для отряда, который вами снят и сейчас должен прибыть. Спать—выспиться!... Дадим отдельную комнату, у нас хорошо,—добродушно басил Мальков, расписываясь в приемке секретно-арестованного. Он позвонил в телефон и сказал: „Двух“. Через несколько минут пришли два коновойных.

—Прими!...

В одну секунду офицер очутился между двумя бравыми латышами, щелкнули затворы винтовок, символически да-

вая знать арестованному, что бежать нельзя, что здесь не шутят.

— В секретную третью! Марш!...

И разом ударили ноги прекрасно вымуштрованных солдат, и офицер, подчиняясь команде, как настоящий военный, улыбаясь и довольный, зашагал также бодро в такт шага, вольно размахивая рукой.

Ночь кончалась.

Невыразимо хотелось спать. Оставив очередного дежурного и прося при первой нужде меня разбудить, я ушел в буфетную, и подложив полено под голову, мгновенно крепко-крепко заснул.

## VI

— Не будите его, не надо, тише! — далеко-далеко, сквозь сон, точно на дне пустой бочки слышу я чей-то знакомый голос и никак не могу припомнить, чей это голос, и ужасно досадно на это, и сержусь, и кричу:—Постойте, не уходите! Кто это? Ну, как его!...

И голос мой глухой, невнятный, сдавленный, никому не слышен. И так ужасно обидно, больно, досадно. Напрягаюсь, изо всех сил до сердцебиения, поднимаю окаменевшие веки и вижу двух девушек-буфетниц, наших неусыпных кормилиц, так всегда заботившихся о нас, а там в конце комнаты знакомая фигура Владимира Ильича на цыпочках, готовая исчезнуть в дверях.

— Владимир Ильич! — кричу с досады на себя, что не узнал его по голосу, находясь еще в полусне, полный обиды нивесть на кого.

Владимир Ильич оглянулся.



— Проснулись! Я вас разбудил?...

Хватаюсь за часы—десятый! Батюшки, а хотел встать в семь. Экая досада! Все дела ушли...—пронеслось в голове.

— Проспал...

— Вы опять не спали ночь?

— Это не беда, да вот проспал. Вы чего ж не разбудили?..—набрасываюсь на буфетниц. Но они так весело улыбаются и так хорошо знают, что крик этот товарищеский, что смеются.

— Уж больно вы крепко на полене-то спали, как на пуховой подушке, вот нам и жалко будить-те, мы и чай никого не пускали пить...

Это меня еще больше возмущает.

— Ну вот, вам первому,—и, смеясь, одна из девушек дает мне стакан прекрасного чая с бутербродами.

Владимир Ильич благодушно смеется над всей этой бытовой сценкой нашего Смольного, садится здесь же, ему тоже дают чаю, входят рабочие, служащие, здороваются с Владимиром Ильичем и садятся за столы, жуя меня за то что буфетницы так мне покровительствуют, что не пускали даже пить чай, пока я спал.

— Ну как?—спрашивает Владимир Ильич.

Я рассказываю ему обо всем, что произошло. Он крайне возмущен. Категорически приказывает охранить жизнь этого офицера, начать расследованием дело и обязательно рассеять эту матросскую часть.

— Это крайне опасный элемент, он может переметнуться под анархическим лозунгом, куда угодно, потом спохватятся, да будет поздно. Сообщайте мне все подробности...

И мы уходим с ним из буфетной в управление делами Совнаркома, чтобы ознакомиться с новой почтой и телеграммами.

Возвращаюсь в 75-ю комнату.

Сызываю всех рабочих комиссаров, которые имеются налицо и открываю заседание для допроса привезенного к нам офицера, предварительно знакомя товарищей с уже учиненным ему мною допросом в тот вечер, во втором флотском экипаже, а попутно рассказываю все дело, так как новая смена комиссаров его не знает. Звою тов. Малькову и прошу доставить секретного арестованного из секретной № 3.

Мальков приводит его под усиленным караулом в четыре человека.

— В чем тут дело?—шепчет он мне на ухо.—Все утро звонят матросы второго флотского экипажа, все ищут какого-то офицера, а вот сейчас приезжали четверо и требовали осмотреть все наши камеры и грозили оружием... Правда, полупьяные...

Я велю насторожиться и усилить караул.

Офицер отоспался, но на лице его крайняя тоска, отчаяние... Я объявляю ему, что это продолжение того первого допроса и прошу его рассказать, где был он в этот день. Он уже немного осмотрелся и, видимо, изумлен тому корректному поведению и серьезному отношению, которые он встретил здесь, в Смольном, от рабочих.

Немного робей и превозмогая первую неловкость, он тихо рассказывает нам:

«— Ко мне вчера днем пришел матрос и потребовал, чтобы я шел за ним. Я повиновался. Когда мы вышли из дома, тут стояли два закрытых автомобиля, в одном сидели те

два офицера и два матроса, а меня посадили в другой автомобиль, и со мной сели еще два матроса. Мы отехали, и вскоре тот автомобиль ушел в другую сторону. Меня спросили, кто у меня есть знакомые, которые могли бы дать за меня деньги? — Если соберешь, — говорили они, — пять тысяч — останешься жив, а не соберешь — сегодня расстреляем... — Я помертвел. Я видел всю опасность и чувствовал, что вот-вот моей жизни конец... В Петрограде у меня много знакомых. Я колебался, как быть, а они понуждают, скорей, да скорей. Я говорю, что не знаю, как быть? А они свое: — Вот расшибем башку, тогда узнаешь. — Я решился. Заехал к одним. Звоню. Вхожу, и они со мной. Вынули револьверы. Отзываю в сторону хозяина и говорю: — Простите, но спасите! — В двух словах рассказываю. Они в ужасе, соболезнуют и дают 200 рублей. Я передаю матросам. Они деньги кладут в карман. — Ну, — говорят, — так ты долго не соберешь. Отправляйся. Вы тут не шевелитесь, — кидают они моим знакомым. Мы уходим. Я мучаюсь, что дал их адрес, что их могут еще ограбить и начинаю думать, что лучше умереть.

„— Ишь как буржуйчики-то перепугались, — говорит один. — Да ты только плохо просишь. Просил бы часы, кольца, шубу, нам все равно... Говори еще адрес, да получше. — Я задумываюсь, но страх смерти толкает, и я называю адрес своего знакомого присяжного поверенного. Едем туда. Входим... Там тот же ужас... Упреки по моему адресу, что я их подвел, что их теперь убьют. Я прошу, умоляю... Здесь сносят все, что могут, дают кольцо, часы, портсигар и полторы тысячи денег... Народа здесь было много... Все отозвались...

„Матросы хладнокровно все это забирали в карманы и, видимо, довольные говорили мне: — Вот давно бы так, скоро

будешь на свободе... — И мы заехали еще в два места. Матросы говорят: — Надо поехать. Достали еду и мне кусок дали, и поехали за город. Остановились около какого-то дома в местности мне совершенно неизвестной. Один вышел, скоро вернулся и сказал: — Скоро будут! Действительно, не более, как через полчаса, подъехал автомобиль. Смотрю, там те два офицера и два матроса, довольно пьяные. Офицеры молчат. Я не решился с ними заговорить. Стало совсем темно. — Едем! — И мы двинулись. Вскоре заехали во двор какого-то домика, где окна были закрыты ставнями. Это оказался притон. Все мы вышли. Матросы вынули револьверы, постучались, нам отворили, и мы все вошли в комнаты. Нас здесь встретила женщина-хозяйка. Матросы были здесь, как у себя дома. Началось пьянство. Женщины вели себя отвратительно. Сначала подошли к нам, но матросы им запретили разговаривать с нами. Один офицер, кажется, Волк, встал и стал ходить около окон. Матросы это заметили.

«— Что, удрать хочешь? — закричал один, — небось, не удерешь! Петя, дай ему!

„Подскочил коренастый матрос, изо всей силы ударил его под зубы, под подбородок ручкой нагана. Волк зашатался, и у него изо рта пошла кровь. Хозяйка закричала: — Что вы делаете? Пол запачкаете... — Дай ему под душу! — командовал какой-то матрос. И этот ударил его кулаком под ложечку. Волк зашатался, застонал и присел, схватившись за живот... Кровь текла у него на шинель изо рта.

„Все стихло. Нас всех посадили в угол. Одного оставили сторожить, а сами разошлись по комнатам с девицами. Хозяйка принесла нам чаю и хлеба. Волк стонал и ничего не ел, у него очень болел рот. Тут, в притоне, мы пробыли

часа три. Потом один матрос стал крестить комнату, окрестил и нас. Нам велели собираться. Мы поднялись и поехали в какую-то глушь. На пустыре около забора остановились, нам велели выходить. Мы вышли.

„— Снимай шинели!—сказали они нам, площадно ругаясь, окружая нас с выхваченными револьверами. Мы сняли.

„— Отнеси в автомобиль!—сказали они мне. Я понес и влез сам в автомобиль и замер. Через некоторое время раздались выстрелы и крики, опять выстрелы, еще и еще. И все замерло. Я обомлел. Слышу шаги. Ну, думаю, за мной. Ко мне в автомобиль ввалились все матросы и тут они заметили и меня.

„— Ах, сукин сын, ты здесь! — заорал один. — Как же это мы тебя забыли? — Ну, черт с тобой... — заговорил другой, подминал под себя одежду, снятую с расстрелянных. — Ты нам еще пригодишься. Завтра мы с тобой поездим. Трогай!— и мы двинулись. Меня уткнули под ноги между сиденьями и все колотили каблуками. Матросы, видимо, устали, притихли и только иногда перебрасывались отдельными фразами о том, как ловко всадили они им пуди в затылок, в лицо, в грудь. Так мы приехали в помещение матросов... Я еле встал. Меня втолкнули в комнату и заперли, а потом опять увезли, вот сюда, к вам.“

И он умолк.

На всех нас этот рассказ произвел потрясающее впечатление.

## VII

Едва успели мы закончить этот предварительный допрос, как к нам позвонили из Гвардейского экипажа. Было уже часа три дня.

— Извольте нам сейчас же отдать офицера, — грубо говорил кто-то в телефон, — иначе плохо вам там будет. Сами придем брать... Слышите... — и я сразу узнал полудьявольный голос матроса Железникова-старшего, смертью благословлявшего всех. Я повесил трубку и не стал с ним ничего говорить.

Отправив в секретную камеру допрашиваемого, я еще раз подтвердил коменданту Смольного, чтобы он смотрел в оба за арестованным. Мне стало ясно, что компания Железникова-старшего примет все меры, чтобы вырвать у нас этого арестованного ими офицера, так как он был живой свидетель всех отвратительных деяний этой банды, и они прекрасно понимали, что его показания убийственны для них, вот почему они из всех сил будут добиваться свидетеля убрать. И, действительно, не прошло и получаса, как к нам вновь позвонили из гвардейского флотского экипажа. Тот же голос еще более нахально стал требовать выдачи нашего пленника. Я сказал, чтобы позвонили через час.

— Ну то-то, смотри, а то хуже будет, — развязно говорил пьяный голос.

Мне нужно было выиграть время и не только обдумать план дальнейшего решительного действия, но кое-что осуществить за этот промежуток. Необходимо было прежде всего переправить арестованного офицера туда, где он был бы в полной безопасности. Я тотчас же созвонился с т. Благодановым и сказал ему, что сейчас приеду к нему по делу и просил его никуда не отлучаться.

Вызвав автомобиль, мы двинулись в путь с тем шоффером, которого я хорошо знал, и взял с собой трех рабочих комиссаров, хорошо вооруженных; лично принял у коменданта

арестованного, и мы все пятеро быстро сели в автомобиль, и дал направление шофферу, не указав конечный пункт, и мы исчезли в густых сумерках петроградского наступавшего вечера. Наш арестованный боязливо смотрел на нас и не решался спросить, куда мы едем.

Вскоре мы подкатили к тяжелым воротам Петропавловской крепости и, сказав все пароли и показав пропуска, были впущены туда, где когда-то столь долго и столь мучительно проводили свою горестную жизнь целые поколения революционеров, где было, наконец, поднято знамя восстания, и где теперь находилось под арестом контрреволюционное правительство Керенского, и куда мы теперь заключали наиболее опасных уголовных, а в последнее время белогвардейцев и монархистов, задержанных в подготовке покушений, взрывов и пр. т. п. явно контрреволюционной деятельности. Здесь находилась твердая, высоко-дисциплинированная воинская часть с броневиками, и всем заведывал спокойный, ясный, обладавший железной волей наш молодой товарищ и преданный друг, тов. Благоправов, офицер царской армии, присоединившийся к нашей коммунистической партии и принимавший самое активное участие в октябрьском восстании, в молниеносном разгроме юнкерского выступления в Петрограде и во многих других славных революционных действиях.

Войдя в приемную и оставив привезенного с рабочими комиссарами, я ушел с тов. Благоправовым в его кабинет и здесь вкратце рассказал ему всю историю. Показал распоряжение Владимира Ильича и сказал ему, что матросы-анархисты заседают, что нам предстоит с ними еще большая возня сегодня, и что я привез этого офицера ему с тем, чтобы

держат его на всякий случай под чужой фамилией до того времени, когда будет решено его выпустить. Тов. Благодеров, возмущенный всей этой недисциплинированностью, тотчас же сказал, что он будет ждать сообщений из Смольного и, конечно, всегда готов принять самое деятельное участие в ликвидации всего этого безобразия. Мы решили вызвать арестованного и объявить ему, что здесь он будет числиться, для его же безопасности, под другой фамилией и, кажется, окрестили его Поновым. Арестованный просил, когда узнал, что привезен сюда для его же собственного благополучия и быстро заполнил листок, именуюя себя своей временной новой фамилией, и тотчас же был отправлен в камеру.

Окончательно сговорившись с т. Благодеровым, я немедленно выехал с рабочими комиссарами в Смольный.

Очень скоро опять позвонил старший Железняков и стал говорить крайне вызывающим тоном. Я резко прервал его речь и заявил:

— Предлагаю вашей группе, объявляющей мне бунт против революционного рабоче-крестьянского правительства, немедленно явиться со своими угрозами к Смольному и заявляю наперед, что все вы будете расстреляны из пулеметов здесь же, у ворот Смольного...

И на этом разговор прекратился. Отдав распоряжение начальнику вооруженных отрядов Смольного быть в полной боевой готовности, я вызвал к телефону Железнякова-младшего и заявил ему, что в его части, где он председатель комитета, творится черт знает что, и что это не делает ему чести.\*



— Да они с ума сошли, сниклись совершенно, у нас полный раскол, мы их знать не хотим!..— кричал он мне в телефон.

— Тогда сейчас же отделитесь, и, как подобает воинской части, предлагаю вам явиться к Смольному, чтобы продемонстрировать вашу солидарность с правительством...

— Есть... — лихо закричал Железняков-младший, — сейчас будем... А квартиру другую дашь? Мы не хотим сюда возвращаться и быть с ними...

— Конечно, сейчас же дадим...

Через некоторое время я вызвал Железняка-старшего и резко сказал ему:

— Что же вы не идете? Или труса празднуете? У меня пулеметы для нас готовы. Узнайте-ка на деле, что значит не подчиняться революционному рабочему правительству...

— Да ты врешь... — добродушно полупьяно ответил он мне.— Да я ведь пошутил...

— А я нет, — я не шучу и предлагаю тебе с твоими молодцами идти сюда...

— Ну! Зачем? Не стоит... Мы спать ляжем...

Я настаивал, чтобы они явились, иначе,—сказал я,—придем мы к тебе в гости...

В это время, сообщив обо всем Владимиру Ильичу, я сказал ему, что твердо решил раз'единить эту часть, занять помещение гвардейского флотского экипажа, оружие и снаряды отправить в Петропавловскую крепость и назад матросов туда не пускать. Владимир Ильич вполне одобрил весь план действий, и я тотчас же снесся с тов. Благодияновым, предупредив его, что, вероятно, скоро придется выступать на работу.

Рабочие комиссары уже выехали на место и наблюдали за всем тем, что происходило среди этих матросов-анархи-

стов, сообщая обо всем по телефону. Мы уже знали, что младший Железняков вместе с некоторыми комитетчиками увлекли за собой порядочную часть матросов и отправились в Смольный под там и свист остальных. Часть матросов, захватив винтовки и свое имущество, беспорядочно двинулась к Николаевскому вокзалу. И тотчас же направил туда бывшего матроса, тов. Цыганкова, находившегося в числе рабочих комиссаров вместе с несколькими другими комиссарами и с хорошим отрядом коммунистов стрелков-латышей, отдав им решительный приказ—разоружить этих матросов анархистов. Они произвели эту операцию очень просто, заняли все входы на Николаевский вокзал, и так как все матросы прибывали разрозненными кучками, то тотчас же отбирали у них решительно все оружие и складывали его в грузовые автомобили, поданные из Смольного. По Николаевскому вокзалу быстро разнеслась весть, что у всех отбирают оружие, и когда Цыганков позвонил мне, что матросы больше не приходят, и все разоружены, но в вокзале находится много вооруженных солдат и матросов, битком набивших все помещения, добивающихся отъезда с первым поездом и постоянно грозящих оружием железнодорожникам,—я выслал на подмогу еще роту латышей и предложил Цыганкову разоружить и всех остальных, находящихся в вокзале. В высшей степени дисциплинированные латыши, выдавшие вид на северном фронте, совершенно не признававший опасности Цыганков и рабочие комиссары окружали каждое помещение и предлагали всем добровольно отдать оружие, объявляя, что те, у кого оно будет найдено, будут арестованы.

Этот бежавший из Петрограда разложившийся воинский элемент, бросавший самовольно революционные ряды, как и надо было ожидать, не отличался храбростью и тотчас же складывал оружие. Наши отряды просмотрели всех до одного и у многих отобрали винтовки, револьверы, ручные гранаты, шашки, патроны. И так перебрали весь вокзал, наконец, освободив железнодорожников от постоянного страха угроз оружием. Оружие было отвезено частью в Смольный, частью в Петропавловскую крепость.

Железников-старший, чуя для себя недоброе, с небольшой группой своих ближайших сотоварищей двинулся с Варшавского вокзала на юг, где, как мы получили сведения, он присоединился к бандитской шайке, очень много накуралесил в Черниговской губернии и был убит отрядом красноармейцев, ликвидировавших эту шайку.

В это время Железников-младший с значительной частью матросов, в полном боевом военном порядке, двинулся к Смольному и, пройдя во главе колонны, выстроился у ворот Смольного, явился к нам в 75-ю комнату с двумя комитетчиками и чисто по-военному отпартировал, что во исполнение приказаний, поступившего к нему, вверенная ему часть матросов — у ворот Смольного. Мы вышли к матросам, поздоровались, помитинговали, вынесли резолюцию, порицающую деятельность той отколовшейся группы и предложили двинуться почевать. Тут только матросы узнали, что их выдворили из помещения гвардейского флотского экипажа и предоставили им помещение по Невскому проспекту, в доме № 92 — двухэтажный дом по улице, откуда недавно все жильцы выехали. Это несколько смутило матросов, но они по команде построились и двинулись во вновь отведенное место.

### VIII

В это время броневики Петропавловской крепости окружили гвардейский экипаж, а прибывшая с ними воинская часть спешно нагружала автомобили ящиками с гранатами, патронами, собирала оружие, патроны, пулеметы и все другое воинское снаряжение, и все это немедленно отвозили в Петропавловскую крепость. Вызванный батальон Егерского полка временно занял все это помещение, выставил караулы и получил угрожающее предписание никого не допускать в помещение гвардейского флотского экипажа.

Железников-младший разместился на новой квартире, получив лишь небольшую часть патронов.

Но и здесь матросы броненосца „Республика“ не приняли вид, как другие, действительно боевых, хорошо дисциплинированных частей. Разложение среди них скоро пошло дальше. Беспорядочное пьянство, грабежи проходивших мимо, кражи в городе вновь обратили наше внимание на них, и мы решили совершенно избавиться от этого буйного, не поддающегося дисциплине элемента, крайне мешавшего регулировать революционный порядок в красной столице. В один из вечеров наш смольнинский отряд быстро вошел в это помещение, снял часовых и разоружил всех матросов, среди которых много было пьяных, вповалку спавших с пьяными проститутками. Железников понял, что ему оставаться здесь больше нельзя, и что его часть разлагается совершенно. Он отобрал около 200 человек, на которых мог надеяться и попросил послать его на фронт. Ему разрешили выехать на юг, где он впоследствии присоединился к нашим войскам, отчаянно боровшимся с белогвардейцами на подступах к Одессе. Он был начальником




бронепоезда и наносил жестокие, безумно-храбрые удары белогвардейцам. Он всегда бросался в самые опасные места, и его отряд стяжал заслуженную громкую славу настоящих бойцов революции. Уже в 1919 году он попал между двух бронепоездов противника и, прорывался между ними на соединение со своими, метко разил врага, в упор расстреливая противника, состоявшего из отборного отряда офицеров. В одном из пунктов, когда поезд несколько замедлил ход, и когда огонь противника был особенно жарким, он, видя, как кругом него падают сраженные его товарищи, высунулся из броневой башни и стреляя обеими руками из револьверов, сразу сшиб несколько бойцов противника, и в то время, когда огонь уже затихал, он сам был смертельно ранен пулей под мышку левой руки. Он повис в амбразуре башни, продолжая отстреливаться одной рукой и скончался смертью храбрых под непрерывным огнем неприятеля.

В этом страшном деле почти весь отряд его погиб, но своим отчаянным сопротивлением задержал напор неприятеля и дал возможность сосредоточиться нашим отрядам и опрокинуть наседавшего врага. Рабочий класс никогда не забудет этого безумно-храброго, всегда искреннего, всегда честного бойца революции, умевшего подчинить свою железную волю анархиста-коммуниста—воле революционного рабоче-крестьянского правительства и не только беззаветно нести службу солдата революции, но и отдать свою жизнь за то единственное, что было для него дороже всего: за благо и счастье освобожденного революционного народа.

Москва, Кремль.

26 января 1926 г.



<p><b>ВАСИЛИЙ КАЗИН</b></p> <p>СЕРИЙНЫЕ СТУДИИ</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>АРТЕМ ВАСИЛЬЕВ <b>РЕКИ ОГНЕННЫЕ</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>Ю.А. РОД <b>СОВРЕМЕННЫЙ КУДЕСНИК</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>А. ДИДЯКОС <b>В КОЛЛЕКТИВЕ</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>
<p>А.А. ЛЕРОСКИЙ <b>ПЛАСТЫ</b></p> <p>ОБЪЕКТЫ</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p><b>ЕФИМ ЗОЗУЛЯ</b></p> <p>РАССКАЗ ОБ АЖЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p><b>М. ГОРЬКИЙ</b></p> <p>ВЗВЕШАТЬ БЕСЬ, ЧТО ОНА</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p><b>В. ЮРЕНЕВА</b></p> <p>АКТРИСЫ</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>
<p><b>Л. ТОЛСТОЙ</b></p> <p>ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОЙНА</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>Ю. КОЕНК <b>КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>Ю. ВИНУКОВ <b>ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>С. ЦИГАЛА <b>ЗАГОВОР И ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>
<p>Г.А.А. ФРАЙДАН <b>МЕНДЕЛЬ МАРАНЦ</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p>Н.Ф. БОСНОВ <b>УСТАЛОСТЬ</b></p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p><b>БЕЛА ИЛЛЕШ</b></p> <p>ЗОЛОТОЙ РУСЬ</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>	<p><b>Г. ГАУПТМАН</b></p> <p>НАСЛЕДНИК</p>  <p>МАСТЕРСТВО № 10 ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ</p>

**ВАСИЛИЙ  
КАЗИН**

КОЖАНЫЕ  
СЪЕМКИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**АРМЕН ВЕСЕЛЫЙ  
РЕКИ ОГНЕННЫЕ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ИЗБА РЫБИ  
СОВРЕМЕННЫЙ  
КУДЕСНИК**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**В КОЛЛЕКТИВЕ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**А. ПЕРОВСКИЙ  
ПЛАСТЫ  
ОЧЕРКИ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ЕФИМ ЗОЗУЛЯ  
РАССКАЗЫ ОБ АРТЕ  
И ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**М. ГОРЬКИЙ  
ЗНАТЬ СЕБЯ  
ОЗНА**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**В. ЮРЕНЕВА**

АКТРИСА



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Л. ТОЛСТОЙ  
ОБЪЕМ И ПЕРСОНАЖИ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Ю. ВОЙН  
КРАСНАЯ  
МЕЛЬНИЦА**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**В. КОЖЕВНИКОВ  
ПРОЛЕТАРСКИЕ  
ПОЭТЫ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**С. ШТРАЙВ  
ЗАГОВОР И ВОССТА-  
НИЕ ДЕКАБРИСТОВ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**БАРБЕ ФРЕДРИХ  
МЕНДЕЛЬ МАРАНЦ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Н. Ф. ЛЕОНОВ  
УСТАЛОСТЬ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**БЕЛА ИЛЛЕШ  
ЗОЛОТОЙ  
ГУСЬ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Г. ГАУПТМАН  
РАСТЕВКА**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
№ 10  
МОСКОВСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Цена **15** коп.

**18998**

**ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ «О Г О Н Е К»**

Еженедельно **ОДНА** книжка:

1 мес.—50 к., 3 мес.—1 р. 50 к., 6 мес.—3 р., 1 год—5 р.

Еженедельно **ДВЕ** книжки:

1 мес.—1 р., 3 мес.—3 р., 6 мес.—5 р., 1 год—10 р.

Москва, Тверской бульвар, д. 26, телеф. 5-51-69.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК».